

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ
МЫСЛЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Из истории русской
философии

ИПОСТАСИ ДУХОВНОСТИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Н.М. СЕВЕРИКОВА

Имя Павла Александровича Флоренского (1882 – 1937) теперь широко известно в научном мире, а в будущем, когда осуществится замысел ученого об издании всех 19 томов произведений, написанных им, может возникнуть целое направление в науке, связанное с его именем.

Личность Флоренского была столь универсальна, энциклопедичность его познаний столь удивительна, что современники называли его новым Леонардо да Винчи. Это был человек великих дарований: его 225 запатентованных открытий в области математики, физики, химии, электродинамики, эстетики, а также его литературные произведения, статьи по музейному делу и искусствоведению до сих пор вызывают удивление и даже спустя полвека воспринимаются как нечто необычное.

Необычным было и само время, которое называют сегодня «серебряным веком» русской культуры. Духовное обновление общества на рубеже XIX – XX веков вызвало необыкновенный расцвет в различных областях культуры, важнейшей частью которой стала русская оригинальная религиозная философия, утверждавшая примат духовности, поиски путей своеобразного соединения материального и духовного.

В плеяде русских религиозных философов, имена которых долгие десятилетия были под запретом, особое место занимает мыслитель тонкого анализа П.А. Флоренский, стоявший у истоков этого бурного, переломного времени. С.Н. Булгаков отмечает черты высокой духовности в обли-

ке своего близкого друга: «Он был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ; черты внешности мыслителя — благодатная тихость и просветленность — удивительно точно запечатлены на известном нестеровском портрете «Философы»... Духовно виделся древний эллин...»¹.

Небольшой экскурс в прошлое позволяет установить, откуда у мальчика, жившего в глубокой провинции, проявились черты высокой духовности. Родословие П.А. Флоренского сложилось из четырех сильных ветвей-родов: Флоренских, Соловьевых, Ивановых, Сапаровых. Часть рода Флоренских принадлежала к духовному сословию, часть — к научной области, где Флоренские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений... Интересы Флоренских были разносторонни — история, археология, естествознание, живопись, музыка, литература.

Мать Павла Флоренского, Ольга Павловна Сапарова (Саламия Сапарьян), происходила из древнего армянского рода — меликов (князей) и росла в доме, где восточные обычаи сочетались с европейской роскошью благодаря сношениям семьи с Ираном, Индией, Францией. Но, став женой русского инженера путей сообщения Александра Ивановича Флоренского, она обрекла себя на кочевую жизнь, и ко времени рождения первенца — Павла — молодая семья ютилась в товарном вагоне около будущей станции Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан).

Семья Флоренских и после переезда в Тифлис (1882) продолжает жить уединенной жизнью. Мир семьи, пронизанный теплотой и порядочностью, располагал взрослых и детей к занятиям серьезными науками и искусством. Будущий ученый воспитывался в атмосфере Бетховена и Гёте; «музыку любил неистово»; романс Глинки на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье» считал воплощением изящества — «уплотненным фокусом культуры... замкнувшим целый век расцвета русского искусства»². Флоренский страстно любил природу: его волновала сдержанная мощь природных форм. Отсюда и пошел тот восторг и интерес к бытию «до самозабвения», который был характерен для Флоренского всю его жизнь.

От тифлисской гимназии, где он учился с 1893 по 1899 гг., по его словам, ничего не ждал; все, что приобрел в интеллектуальном отношении, получил, главным образом, благодаря общению с отцом и усиленной самостоятельной работе. Постоянными спутниками его жизни были серьезные научные труды по физике, химии, геологии, астрономии и энциклопедические словари на всех языках. Страсть к знанию поглощала все его внимание и время, к 15 годам его научное мировоззрение «сложилось и окрепло в непоколебимую систему»³. Но в конце гимназического курса, законченного с золотой медалью, 17-летний юноша, убедившись в ограниченности физического знания, переживает духовный кризис. Два равносильных убеждения раздирали его душу: «истина недоступна» и «невозможно жить без истины». С чувством того, что истина есть, но путей к ней он пока не знает, Флоренский начал новый период своей жизни, когда в 1900 г. стал студентом физико-математического факультета Московского университета.

С тех пор начинается стремительный рост и расширение его научных знаний. Одной из самых близких Флоренскому идей была идея прерывности. Помимо занятий математикой, он посещает лекции на историко-филологическом факультете, самостоятельно изучает историю искусств. Окончив университет с дипломом I степени, Флоренский отклонил предложение Н.Е. Жуковского остаться на кафедре математики и в том же 1904-м поступил в Московскую духовную академию.

Что же побудило молодого ученого так резко и неожиданно для родных изменить свой жизненный путь? Действительно, рос он в обстановке индифферентного отношения к религии и был поглощен серьезными научными опытами, а уроки Закона Божия у него вызывали насмешку и даже вражду, однако в глубине души он чувствовал, что есть особая, таинственная область жизни, и — вдруг со всею страстью потянулся к ней. Кризис научного мировоззрения завершился обретением веры в Бога как абсолютной и целостной Истины, на которой должна строиться вся жизнь.

Мысль о познании духовности во всех ее ипостасях вынашивалась им долгие годы — даже в то время, когда он уси-

ленно занимался математикой и физикой. Именно эти науки и привели молодого ученого к признанию формальной возможности теоретических основ общечеловеческого религиозного мирозерцания. Изучая философию и историю, он убеждается: нет множества религий, «а есть одна религия, которая принадлежит всему человечеству, но лишь меняет «свой вид». Главное в бесчисленных формах религии — «человечность — единственный лозунг, который может быть общим всем людям, который даёт правильное разумение нравственным заповедям и... не ведет к ожесточению и нетерпимости. Вот что должно быть воспитываемо в людях»⁴, — писал богослов. Одну из ближайших целей практической деятельности Флоренский сформулировал так: «Произвести синтез церковности и светской науки, воспринять все положительные учения Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством...»⁵.

Однако Московская духовная академия во многом не удовлетворяла Флоренского, и он упорно продолжает самостоятельные занятия символической логикой, историей философии, археологией, изучает еврейский язык; организует философский кружок, где читает доклады. За проповедь «Вопль крови», произнесенную в марте 1906 против смертного приговора П.П. Шмидту, он был заключен в таганскую тюрьму. Далее трагические события следуют одно за другим: умер отец, так много сделавший для всестороннего развития своего сына; скончался духовник Павла — иеромонах Исидор, «печальник за мир, соль земли»; погиб самый близкий друг Флоренского С.С. Троицкий. Сам Флоренский находился в состоянии «тихого бунта». Его «Воспоминания» открывают возможность подойти к пониманию той эпохи: «В том, что случилось со мною, был пережит разрыв мировой истории. Мне вдруг стало ясно, что «время вышло из пазов своих» и что... кончилось нечто весьма важное не только для меня, но и для истории. Это было ощущение и смертельной тоски, и жгучей боли, и невыносимого сознания, что разрушается то, что строилось величайшими усилиями...»⁶. И все же переходность исторического времени Флоренский ощущает как неизбежную смену типов мировоззрений, «начало освобождения» и всеобщего «воскресения» к новой жизни.

В период учебы в духовной академии его не перестает волновать вопрос о «законности» занятий наукой и философией, который решает, пройдя через собственный духовный опыт: «Философия каждого народа, до глубочайшей своей сущности, есть раскрытие веры народа... Если возможна русская философия, то только — как философия православная, как философия веры православной»⁷. Эту мысль Флоренский развивает и позже — в лекционных курсах и выступлениях. По его мнению, «философия высока и ценна не сама в себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе»⁸.

Значительным событием в жизни Флоренского стало блестящее окончание в 1908 г. Московской духовной академии. Его кандидатское сочинение «О религиозной Истине» легло в основу магистерской диссертации (1912) и книги «Столп и утверждение истины» (1914). Главная мысль этого огромного труда выражена предельно лаконично: «Живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов»⁹. Магистерский диспут и выход книги вызвали громадный интерес и обширную полемику не только в духовных кругах, но и среди общественности. Мнения высказывались самые различные: это не было удивительно в годы идейного размежевания интеллигенции. Е.Н. Трубецкой в докладе «Свет Фаворский и приобретение ума», посвященном анализу «Столпа...», назвал книгу выдающимся явлением в новейшей русской богословской литературе: «Давно я не помню, чтобы какая-либо книга мне доставляла такую большую *из глубины сердца* идущую радость... Это яркое и красноречивое свидетельство того, что не иссякла в нас жизнь духовная и что под покрывалом мертвечины, окутавшим нашу Церковь, таится живая сила»¹⁰. Главным недостатком книги Трубецкой считает антиномизм, с чем не мог согласиться Н.А. Бердяев, которому как раз импонировала идея антиномии как отражения противоречий действительности. Но при этом в статье «Стилизованное православие» Бердяев, не стесняясь, пишет о «Столпе...» как об «удушливой книге», при чтении которой «хочется вырваться на свежий воздух, в ширь, на свободу, к творчеству свободного духа человеческого»¹¹.

Бердяеву решительно возражает В.А. Кожевников, сотрудник «Богословского вестника»: высказывания Бердяева о «Столпе» он счел «жалкой, захлебывающейся бессильною досадою (чтобы не сказать — злобою) инвективой», а «Столп...», напротив, назвал «спокойно-величавой» горной вершиной русского православия»¹².

Наиболее справедливую характеристику «Столпу...» дал ректор Московской духовной академии епископ Феодор. По его мнению, «Столп...» занял исключительное место не только в русской, но и в западной философско-богословской литературе: «Сделана полная апология христианской веры как единственной истины»; раскрыта необходимость христианства для человека, уясняется «высший смысл жизни и бытия мира»; это книга «высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом». Отмечая энциклопедичность знаний Флоренского, епископ Феодор подчеркивает его преимущество в том, что он «везде остается свободным от подавляющего влияния этого научного багажа. Он везде творец и хозяин»¹³.

Созвучна этому отзыву краткая дневниковая запись о книге «Столп...» В.И. Вернадского: «Я страшно ценю самостоятельное творчество... Чувствуется сильная и оригинальная личность»¹⁴.

Чрезвычайно интересна оценка книги самим Флоренским: «Тут делается попытка применить ряд математических понятий и операций, даже не называя их, применить... к общим вопросам миропонимания, к проблемам духовной жизни, использовать в целях философских самый дух математики. В книге делается первое, для русской, по крайней мере, литературы применение к философии алгоритма символической логики»¹⁵.

«Столп...» можно назвать своеобразной энциклопедией человеческого знания в самых различных областях науки и жизни. О колоссальной работе автора над книгой свидетельствует наличие в ней более 1000 примечаний, обширнейший список литературы и источников, многие из которых — на иностранных языках. Полное название книги — «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренско-

го» — сразу определяет цель этого оригинального философского произведения. Термин «теодицея» (от греч. «Бог» и «справедливость») со времени введения его в 1710 г. Лейбницем переводится как «оправдание Бога» и обозначает религиозно-философское учение, стремящееся согласовать идею благого и разумного Божественного управления мира с наличием мирового зла. Сам Флоренский переводит теодицею не только как «оправдание Бога», но и как «восхождение человека к Богу», чему, собственно, и посвящен «Столп...». Однако такая трактовка термина совершенно игнорировалась толкователями «Столпа...» в силу того, что долгое время обходили молчанием имя и многие сочинения Флоренского.

Основная проблематика книги носит преимущественно *гносеологический* характер. Флоренский определяет сущность религии как спасение внутреннего мира человека от таящегося в нем хаоса. Религия, «водворяя мир в душе, умиротворяет и целое общество, и всю природу». *Онтологическая* религия, по утверждению Флоренского, «есть жизнь нас в Боге и Бога в нас». *Феноменологически* — это «система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе *спасение...* равновесие душевной жизни»¹⁶.

Но гносеология Флоренского — это не комплекс взглядов на познание, а сочетание путей для активного богопознания, без которого не может осуществиться ни вхождение в Церковь, ни познание истины. В акте богопознания человек преодолевает присущую ему двойственность: «Когда физик или биолог, или химик, даже психолог, философ и богослов читают с кафедры одно, пишут в научных докладах другое, а дома, в своей семье, с друзьями, чувствуют, вступая в противоречие с существующими предпосылками своей собственной мысли, то не значит ли это, что личность каждого из них разделилась на несколько исключających друг друга?»¹⁷. Следствием двойственной природы человека является антиномичность разума: он «раздроблен и расколот»¹⁸, способствовать же преодолению его антиномичности может только гармонизация человеческого и божественного. Однако противоречие существует как факт бытия: противоречиво бытие — противоречиво и мышление;

у Флоренского антиномия — неустранимая данность, поэтому Истина так же антиномична, как и разум. «Я не знаю, есть ли Истина или нет её. Но я всем нутром ощущаю, что *не могу* без неё. И я знаю, что *если она есть*, то она — всё для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье»¹⁹. Он уверен: вся Истина доступна только Богу, но дело в том, что она как субъект, активна и может, погружаясь в человеческое пространство и время, обрести признаки личного и общественного.

При стремлении Флоренского отразить в своем учении живой религиозный опыт он выделяет два периода: период теодицеи — «восхождения человека к Богу» и период антроподицеи — «нисхождения Бога к человеку». Эти два пути *«совмещаются»* в религиозной жизни и лишь *методологически* могут быть рассматриваемы до известной степени порознь»²⁰. Анализу второго пути посвящена книга «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Часть 1», которая построенную теодицею дополняет антроподицеей — учением о мире и человеке в их причастности к Богу. Сакральную (культовую, литургическую) деятельность Флоренский считает первичной, освящающей хозяйство, художественное творчество и мировоззрение — науку и философию. По его мнению, сакральная деятельность — это «символизирующая деятельность духа»²¹. *Символизм*, как характерная черта и теодицеи, и антроподицеи, является «не только методом и творческой формой, но и объектом исследования». Флоренский считает символы органами нашего общения с реальностью, причем каждый из символов соприкасается с соответствующей ветвью науки — лингвистикой, филологией, физикой, искусствоведением, семиотикой, философией, а все вместе образуют единую парадигму учения о мире и человеке.

Стремления к единству веры и знания, науки и жизни и постижению Истины делает неразделимым творчество Флоренского — религиозного мыслителя, священника и ученого. Юношеский замысел синтеза науки и церковности — «в разных сферах её и на разных глубинах»²² нашел свое отражение и в журнале «Богословский вестник», редактором которого Флоренский был в 1912 — 1917 гг., а в 1927-м

его назначают редактором уже научного издания — «Технической энциклопедии», для которой написал около 150 статей на научные темы.

Уникальность работ Флоренского в том, что он стремился синтезировать в единое целое знания самых различных областей. Свою жизненную задачу он понимает «как проложение путей к будущему цельному мировоззрению»²³. По мнению академика Лихачева, «для него не существовало дробления единого знания на привычные нам разделы»²⁴. Религия для Флоренского — это важнейший составной элемент человеческой культуры, и даже в 1923 г., когда основным занятием его стала научная деятельность, он публикует «Записку о христианстве и культуре», в которой разрабатывает программу преобразования науки и культуры на религиозных началах: по мысли ученого-богослова, и наука, и культура, и религия, выполняя свои функции, «живут согласно, нуждаясь друг в друге и служа единому организму»²⁵. Разработка вопроса о соединении религиозных убеждений и научной материальной деятельности приводит Флоренского к открытиям в разных областях наук.

Раздвинув горизонты науки, он на десятилетия заглянул вперед. Так, в книге «Мнимости в геометрии» (М., 1922) математически предвосхитил то, что в физике наших дней получило название «антимира»; в статье «Физика на службе математики» обсуждает проблему, решение которой привело к созданию аналого-вычислительной машины. И это не единственное проявление его необыкновенного таланта.

Оценивая вклад Флоренского в изучение Платона, один из лучших знатоков античной культуры А.Ф. Лосев писал, что он «дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне»²⁶.

Флоренский часто говорил о надвигающемся крушении привычных устоев жизни, и революция не была для него неожиданностью. Он живо откликнулся на призыв принять участие в культурном и научно-техническом строительстве в стране. Чувство единения с Россией, с ее народом было столь велико, что он, естественно, не мог покинуть Родину, хотя за границей его ожидала блестящая научная будущ-

ность и мировая слава ученого. «Жизнь ему как бы предлагала выбор, — пишет С.Н. Булгаков, — между Соловками и Парижем, но он избрал родину, хотя то были и Соловки».

Флоренский был первым, кто, служа Церкви, одновременно стал работать в советских учреждениях. В 1918 г. его пригласили в комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Так был создан всемирно известный Государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. В 1921 г. Флоренский избран профессором ВХУТЕМАСа, где читает курс «Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях», разработанный на данных математики, физики, психологии и эстетики. Замечательным открытием его было обоснование правомерности «обратной перспективы», на которой построена древнерусская живопись: но это не промах, а «мужество гения, опрокидывавшего своим чутьем самые рациональные теории».

Активный характер принимает научно-техническая деятельность ученого. В 1920-м работает на заводе «Карболит» по изготовлению пластмассы из отечественного сырья. В 1921-м переходит на исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ, участвует в VIII электротехническом съезде, где обсуждался план ГОЭЛРО. С 1924 г. — он член Центрального электротехнического Совета Главэлектро, начинает работать в Московском объединенном комитете электротехнических норм и правил, создает первую в СССР лабораторию испытаний материалов, где готовит целую плеяду талантливых работников. В книге «Диэлектрики и их техническое применение» (1924) со 100 рисунками, чертежами и диаграммами, выполненными им собственноручно, Флоренский систематизировал новейшие теории, касающиеся изоляционных материалов, и предсказал ряд направлений научного поиска. В 1931 г. его избирают в президиум бюро по электроизолирующим материалам Всесоюзного энергетического комитета; через год его включают в комиссию по стандартизации научно-технических обозначений терминов и символов при Совете труда и обороны СССР. Как видно из перечня тех учреждений, где довелось работать П.А. Флоренскому, он всегда приглашался на работу

как специалист высокого класса, и тем более неожиданной была высылка его в Нижний Новгород.

Но начало травле было положено еще в 1919 г., когда деятельность комиссии по охране лавры представили как контрреволюционную попытку создания «православного Ватикана». Затем ему инкриминировали создание во ВХУТЕМАСе «идеалистической коалиции» с В.А. Фаворским. Жестокой, мягко выражаясь, «критике» подвергли Флоренского за истолкование им теории относительности в работе «Мнимости в геометрии» и за статью «Физика на службе математики», в которой дано описание электроинтегратора – прототипа современных вычислительных машин.

Из нижегородской ссылки Флоренский был возвращен благодаря ходатайству Е.П. Пешковой, но обстановка в Москве была такой, что Флоренский говорил: «Был в ссылке, вернулся на каторгу». А 20 июля 1933 г. он осужден особой тройкой на 10 лет и отправлен по этапу в восточно-сибирский лагерь... «Свободный»; через год – в Соловецкий лагерь особого назначения, где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более 10 запатентованных научных открытий и изобретений. 25 ноября 1937 г. Флоренский был вторично осужден «без права переписки» – это нынче прочитывается однозначно... Дело в отношении П.А. Флоренского прекращено производством за отсутствием в его действиях состава преступления 6 мая 1959 г.

Научная реабилитация его началась с конца 60-х годов. Теперь с его именем связывают синтез гуманитарных и технических наук, что необходимо для утверждения нравственных ориентиров в их развитии. Культура мысли, целостность и глубина научной позиции, деятельность в ее неразрывной связи с окружающим миром – именно эти уроки преподает нам сегодня Флоренский через свое наследие.

Флоренский предупреждал о гибельности бездуховного пути культуры. Но в то время, когда он писал об этом, казалось невероятным, что уже XX век приведет культуру (да и все человечество) к возможности самоуничтожения.

Мысли Флоренского, провозглашавшего борьбу против всяческой расовой, национальной, индивидуальной

обособленности и разобщенности использует и современная богословская наука. Теологи высказывают мнение, что Флоренский обогатил богословие лучшими достижениями философии, привнеся в теологию диалектический метод. Сам же Флоренский, отмечая в диалектическом методе развитее «многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга»²⁷ — тем, образующих «единое целое», в богословии отводил диалектике роль «пульса» к богообщению, считая её процессом мысли — «мысли в её движении».

Современников поражала не только глубина научных воззрений Флоренского, но и его благоговейное отношение к священству. Получение священства имело жизнеопределяющее значение: он считал это «даром благодати». По мнению С.Н. Булгакова, его исключительная научная одаренность являлась чем-то «второстепенным и несущественным», а самым главным в жизни, «духовным центром его личности ... было его священство»²⁸. Священство стало переломом в жизни Флоренского. Хотя к советской власти он относился «как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы»²⁹, но за священство в то время заплатил своей жизнью. В письме родным из Соловецкого лагеря от 13 февраля 1937 г. Флоренский с горечью писал о Пушкине. «Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями. Чем бескорыстнее дар, тем жесточе гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни»³⁰. Действию этого закона через 100 лет подвергся и автор высказанных слов.

Могут ли те, кто вступил в третье тысячелетие, изменить этот закон в русле Человечности, Братства, Справедливости — как мечтал о том Павел Александрович Флоренский?

Примечания

¹ *Священник Павел Флоренский*. Собр. соч. Статьи по искусству / Под ред. Н. Струве. Париж, 1985. Т. 1. С. 7.

² *Священник Павел Флоренский*. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Заветание. М., 1972. С. 413.

³ Там же. С.190.

- ⁴ Там же. С. 123.
- ⁵ Цит. по: Андроник, игумен (А.С. Трубацев). Жизнь и судьба // *Священник Павел Флоренский*. Соч. в 4 т. Т. 1. М., 1994. С. 8.
- ⁶ См.: Примеч. 2. С. 196 – 197.
- ⁷ Приветственная речь на юбилейном чествовании А.И. Введенского // *Священник Павел Флоренский*. Соч. в 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 191.
- ⁸ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине» (Москва, 1912 г.), сказанное 19-го мая 1914 г. // Там же. С. 142.
- ⁹ *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 33.
- ¹⁰ Переписка князя Евгения Николаевича Трубецкого и священника Павла Флоренского // Вопросы философии. М., 1989. № 12. С. 3.
- ¹¹ Памятные даты. М., 1989. С. 58.
- ¹² Переписка П.А. Флоренского и В.А. Кожевникова // Вопросы философии. М., 1991. № 6. С. 120.
- ¹³ См.: Примеч. 5. Т. 1. С. 13-14.
- ¹⁴ Новый мир. М., 1989. № 2. С. 194.
- ¹⁵ См.: Примеч. 11. С. 60.
- ¹⁶ См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... // Там же. С. 142.
- ¹⁷ *Флоренский П.* Ближе к жизни мира // Советская культура. 1983, 3 ноября.
- ¹⁸ См.: Примеч. 9. С. 146.
- ¹⁹ Там же. С. 80.
- ²⁰ См.: Примеч. 8. С. 134.
- ²¹ *Священник Павел Флоренский.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Соч.: В 4 т. М., 2000. Часть первая. Т. 3 (1). С. 427.
- ²² См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... // Там же. С. 139.
- ²³ Там же. Т. 1. С. 38.
- ²⁴ *Лихачев Д.С.* Павел Александрович Флоренский // Философия, история техника. Л., 1989. С. 3.
- ²⁵ *Священник Павел Флоренский.* Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 547.
- ²⁶ *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма в мифологии. М., 1930. С. 680.
- ²⁷ См.: Примеч. 8. Разум и диалектика... . С. 142.
- ²⁸ *Булгаков Сергей, протоиерей.* Священник о. Павел Флоренский // См.: Примеч. 1. С. 11.
- ²⁹ См.: Примеч. 5. С. 30.
- ³⁰ Из писем П.А. Флоренского семье об А.С. Пушкине и литературе // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 158.